

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

РБ

Р69

I 582001

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Рс

Р69

I 582001

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

**ОСВЯЩЕНИЕ
В РОДНЮ**

С

**АЛЕКСАНДР
РОМАНОВ**

**ПОСВЯЩЕНИЕ
В РОДНЮ**

**СТИХИ
И ПОЭМЫ**

1582001

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. И. В. БАБУШКИНА**

Советский писатель
Москва 1967

P2
P69

Новая книга вологодского поэта Александра Романова, как и прежние его сборники, посвящена современной деревне, прелести родного северного края. Стихи о вологодских лесах и луговинах, проникновенные и точные картины русской истории, нежные, немного печальные стихи о первой любви — вот содержание нового сборника А. Романова.

7—4—2
184—67

ГАРМОНЬЯ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодежи.
А мой товарищ
Грустит опять:
— Где, не знаешь,
Гармонью взять? —
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливый праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек
Плывет гармонья,
Как ночь черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
А ну, товарищ, —
Все ожили, —

Сыграй. Но знаешь—
Хорошее...
Коснулся ухом —
Прохладен лак.
Запела глухо,
Несмело так
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
...В глазах рябило,
Как вновь в избе.

Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,—
Как ястреб,— в круг!
Эх, полы́, полы́,
Нас попомните,
До чего же малы
Нынче комнаты!
И так, и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь, она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:
Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром,
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!
...За окнами — город.
Дома в тени.

Значит, скоро
Взойдут огни
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленой
Виноградиной.

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого заvara
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу развернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся»...
И уносятся, струясь.

А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,
Чем на Севере у нас»...
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал.
Он шагает нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

Когда он сказал: «А ну, потесней!» —
Пошли садиться по очереди
По правую руку — пять сыновей,
По левую руку — четыре дочери.
Такие семьи не часты теперь,
И я удивленно и радостно
Сидел, отогревшись в шумном тепле,
Смотрел, как все здорово ладилось.
Буханку как доброе чудо держа,
Он резал и щедро и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клад горкой на стол обеденный.
Хозяйка открыла кастрюлю с борщом,
И жаром дохнуло наваристым.
Она добавляла еще и еще
И лишь говорила: «Пожалуйста!»
Тарелки сверкали, и в каждой из них
Качалось по вкусному солнышку,
И перец и соль из посуды резных
В него насыпали по зернышку.
На пухлых, смешливых и влажных губах
Дрожало оно, золотистое,
И, каплей случайной на скатерть упав,
Дробилось веселыми искрами.
А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя,
Во здравие пекаря местного
Спокойную радость таил в ломтях
И незаметно главенствовал.

Судьба не сладкая — вдовья —
На праздники не красна.
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая,
Все маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большие,
А маленькой — я одна»...

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
И сразу поняла, что не один,
И отшатнулась, побледнев, назад.
Я тут же, у крыльца, знакомлю их.
И вот они, две женщины, стоят,
Пока еще две женщины чужих.
О, это посвящение в родню,
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню —
Мои слова им не нужны сейчас,
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще — две женщины чужих.
...Шумит по-праздничному самовар,
Все в золотинках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглазеть идут.
— Ну, проходите, что вы там, в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.
По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы. У вас такой уж квас!..—
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят, мол, это кто, жена?

Уж до чего ж пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.
Уж больно городские-то бедны:
Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.
А я смеюсь: не угадали, нет,
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворницы в ответ
И с новостью торопятся домой.
...Сидим втроем мы долго, допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама,— говорит жена.
И вижу я: тут женщин нет чужих.

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.
Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.
Она стоит, облокотившись
На вересковый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.
И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет.
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко...
Но никого покуда нет...

ДОМ ОТДЫХА

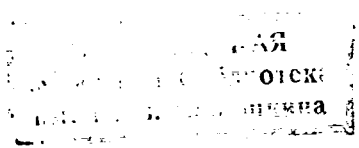
С. Ф. Швареву

Дом отдыха — как государство
Зеленой, теплой тишины.
Его границы не напрасно
Вкруг сосняком овершены.
Сюда причаливай и здравствуй,—
И повара, и доктора,
И сам директор государства —
Все преисполнены добра.
Гуляй себе — чего же проще —
И запасайся солнцем впрок!
Но люди, пожилые в общем,
Лишь переступят за порог,
На миг стущуются как будто,
Родную почву потеряв,
От белоснежного уюта,
От звона сосен, пенья трав.
Им довелось пройти немалый,
Державный, в полном смысле, путь,
И лишь порою выпадало
Не отдохнуть — передохнуть.
И этот миг, что был заране
Предвиден, снился им не раз,
В душе растерянностью странной
Вдруг отзывается сейчас.
С какой-то детскостью забытой
Идут — и кругом голова.
И речка — синее событие,

582001

И диво пестрое — трава!
Затем — на первой же неделе —
Нежданно узнают о том,
Что отдых — вовсе не безделье,
А дело, мудрое притом.
И в этом деле непонятном
Они — неграмотный народ.
— Эх, поскорей бы уж обратно! —
Иной не стерпит и вздохнет.
И нет задумчивости хмурой,
И оживляются они,
И начинают — вот натура! —
Уже считать по пальцам дни.
...Вот наконец автобус подан.
С крыльца им долго машут вслед.
Ну что ж — до следующего года,
Который... через много лет.
А дому отдыха спасибо
Они хотят за то сказать,
Что он помог невыносимо
И радостно затосковать!

У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла,
И как огромна Россия,
Впервые теперь поняла.
Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.
С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он уходит к сынам,
Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.
...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.
Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.
И надо себя пересилить
И браться вновь за дела...
У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла.

Беру себе в попутчики
 Лишь легкий батожок,
 Чтоб он ручьи гремучие
 Мне перейти помог.
 Иду заросшей, длинной,
 Но памятной тропой:
 Когда-то по малину
 Ходили мы с тобой.
 Иду — и сердцу верится
 Без всяческих затей,
 Что вот за этим деревцем,
 А может быть, за тем
 Увижу на поляне,
 Кустарник разведя,
 От ягод полупьяную,
 Всю в солнышке тебя.
 Как будто ты на празднике,
 И белый косячок,
 На волосы повязанный,
 Смахнула набочок.
 Стоишь, такая близкая,
 И смотришь на меня,
 Глаза в зеленых искорках
 Ладонью заслоня.
 Все кружится от радости,
 И я тебя зову.

Корзинка тихо валится
И сыплется в траву.
...Я взял не зря в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб лишнего при случае
Сболтнуть о нас не мог.

Разлука — что зима у нас на Севере:
И день и ночь метелями знобит,
И потому с души моей отсеяна
Вся шелуха упреков и обид.
Бывает, под метелью трудно выстоять,
Но крикнуть, чтоб услышали, трудней,
Вот так и я — кричу тебе, единственной,
Сквозь маету моих метельных дней.
Кричу: люблю! И тем живу и верую,
Что ты услышишь и поймешь меня.
...Разлука — что зима у нас на Севере:
Все жжет, лишь оставляет зелена.

Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто:
Слова бывают словно камни
И словно гвозди.
Лишь стоит взять слова неверно,
Сказать неверно,
Глядишь — и чья-то радость меркнет,
Улыбка меркнет.
А молвишь ради пустословья
И суесловья —
Тебя на низости изловят,
Всегда изловят.
А если что-то бухнешь сдуру,
Пойдет потеха...
В ответ тебе взметнется буря
Крутого смеха.
А промолчишь, когда бы надо,
Сказать бы надо,
Слова немые — как досада,
Себе досада...
Слова — не пули, но бывают,
Как пули, остры.
Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто.

Ты что-то мне напомнила, рябина.
 Лишь теплый ветер дунет — ты опять,
 Живучести полна неистребимой,
 Готова белым цветом полыхать...
 Когда ж июль течет на ветки жаром
 И хмель бушует, молод и курчав,
 Твои пылают ягоды недаром,
 Но зря пылают: чуточку горчат.
 И лишь когда ударит иней поздний,
 Ты станешь вновь единственно любя.
 Тогда твои тоскующие гроздья
 Чем холодней, тем слаще на губах.

Дождь и в клеточку,
И в полосочку,
И в косую линейку
Льет.
Лезут травы,
Играют веточки,
Пляшет озимь,
Смеется лен.
Сивый дед бредет по деревне,
Всеми признанный старожил.
Под таким дождем суеверно
Свою лысину обнажил.
И бегут девчонки, хохочут:
«Дед, ты тоже готовишь почву?»
Он вздыхает: «Почва не та —
Не растет давно ни черта...»
Убежали, весельем брызнув,
Ноги смуглые оголив,
Озорные от буйства жизни,
В этот шумный, дымный разлив.
Покачал головою дедко:
«Мать честная, какие девки!»
...Дождь укатывается огромной
И светлеющей полосой...
Вырастайте, хлеба, с оглоблю,
А картошка, расти с колесо!

Тревозно, и сладко, и грустно
Звенят надо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду поздней ночью
От усталости навзничь упасть.

И тянет у заводей диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,
Глядеть на косматого бога —
На этот всеильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я не такой уж чужак,
Но хлынут весной туманы —
И хочется именно так.

Стоит, теплом обласкана,
Лесной, душистой сказкою
У самого солнышка
Роскошная черемушка.
Березкам ли дивиться бы:
Ведь сами белолицые,
Форсистые да чистые —
И то косятся издали.
А ольхи неопятные
Стыдливо ноги спрятали,
Застыли, словно золушки,
Вокруг черемушки
И тоже удивляются:
«Какая красавица!
Откуда ж, откуда же
На ней такое кружево?
И как на этой сырости
Могла такая вырасти?!»

Пойдись по деревне —
 Рисовать хочется.
 Вот, наконец, древне-
 Русское зодчество.
 Избы просторны,
 А под крышами
 Разно узоры
 По дереву вышиты.
 Будто б на нитки
 Сушка нанизана,
 Сушкой обвита
 Стена до карнизов.
 Там — погляди-ка! —
 Затейливо вяжутся
 И повиликой
 Какой-то кажутся.
 Всюду черт знает
 На чем и лепится
 Эта резная
 Чудо-нелепица!
 Крыльца крылаты.
 Дверь распахнется —
 Не избы — палаты,
 Полные солнца.
 Смотришь — и верится:
 Вот-вот сейчас

Красная девица
Выйдет встречать.
Молвит распевно,
Улыбчиво, просто,
Мол, заходите,
Добрые гости.
И, засмущаясь
Своей красоты,
Чуть приподымет
Кончик фаты...
Ждешь беспокойно
И смотришь на двери —
Вот ведь какое
Избы навеют!

При этом слове непременно
 Подумаешь: а хорошо
 Открыть бидон, в котором пена
 Как белый-белый гребешок,
 И ослепительно набулькать
 В стакан густого молока,
 И разломить скорее булку,
 И пить, холодное пока.
 Блеснут росинки на стакане,
 Ты кончишь пить и скажешь: ах!
 И молоко следы оставит
 Ромашкой свежей на губах...
 Но для меня при этом слове
 Сейчас другое наяву —
 Село далекое, лесное,
 Где я у матери живу.
 Здесь крыши крикают от снега,
 Морозно, с треском дни горят.
 Нос только высунь — покраснеет
 И будет ярче снегиря.
 Сюда дороги по болотам
 Не широки и не легки.
 Как будто белые ворота,
 В конце дорог березняки.
 Вот здесь, где снежные угоры,
 Где руки ноют от забот,
 Где о поэзии не спорят,
 Но где поэзия живет,

Бежит, бежит тропинка хрусткая
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней.
Идет порывистой походкой,
Вперед склоненная слегка,
Идет своей тропой короткой,
Но так ли тропка коротка?
Она сама ее торила,
И закипал вокруг и жег
Не этот белый снег впервые,
А снег сомнений и тревог.
В снегу таком не так-то просто
Свою тропинку протоптать.
Но ветры тихого упорства
Калили молодую стать.
И вот она, тропа — что нужно.
Бежит от солнечной избы —
Ее и зима не завьюжить,
Ее и веснам не размывать.
Бежит, упрямая и хрусткая,
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней
К двору, туда, где дожидаются,
И вновь под легкую рукой
В папахе белой зашатается
В ведре парное молоко.
И пейте, люди, на здоровье —
Понравится наверняка.
...Встает с поэзией вровень
Простая кружка молока.

На острие речного склона
 Сосна висела высоко,
 Как будто колокол зеленый
 С обронзовевшим языком.
 И Петр велел гребцам причалить.
 Без передыху взлез туда,
 Где вровень с царскими плечами
 Синела хвойная гряда
 И земляничным ветром дуло...
 Он сел, разувшись, на траве,
 И государственная дума
 Затяжелела меж бровей.
 Деревни ближние окликав,
 Собрали мужиков зараз
 У той сосны, где Петр Великий
 Сидел и пил холодный квас.
 Столпились мужики тревожно.
 А царь встает и говорит:
 «Скажите, можно ли до Ковжи
 Отсель самим реку прорыть?»
 И отвечали: «Отчего же,
 Как скажешь, царь,— тому и быть.
 Все можем для Руси, все можем —
 Что турок бить, что речку рыть...»
 Доволен Петр таким ответом.
 На берег бочка сгружена —
 И мужиков зовут отведать

За сговор царского вина.
Ох и забористо цареву,
Хмельно бордовое вино.
Под стать вину цареву слово —
Оно и крепко, и красно.
Петр говорил, что краем здешним
Судам в столицу дóлжно плыть...
Быть нелегко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопаткой-маткой
Да еще — батьком-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

Здесь с облака до облака
Тропа проторена,
Как с волока до волока
В былые времена.
На ней непросыхаемо
Ручьится синева,
А обернется яминой —
Так выдохнешь едва.
Однако бабки старые
Сидят — и ни гу-гу.
Летят они из Тарноги
Да сумки берегут.
Над редкими часовнями,
Забывшими догляд,
Над далями сосновыми,
Как ангелы, летят.
И рядом солнце шествует,
И синь вокруг чиста,
И бледностью божественной
В них светит высота...
Как будто в клетку вышитый
Внизу рушник плывет —
Над городскими крышами
Качнулся самолет.
Пришла и бабкам очередь —
На волю вылезай:
Кто — к сыну, а кто — к дочери,

А кто — и на базар.
И вот они, сошедшие
По трапу на бетон,
Уже земные женщины
С обычной суетой.
Везут машины на дом их,
К базару по пути.
Еще и в церковь надо бы,
Ох, надо бы зайти...
Убéгаются старые,
Побудут там и тут —
И соберутся в Тарногу,
И в церковь не зайдут.
Лишь выдохнут: «Ох, грешные,
Помолимся потом...»
Их, сумками увешанных,
Встречай, аэродром!
Уже им машет издали
Пилот в железный срок —
Их с давних пор единственный,
Свой, местный, добрый бог.

С тручки акации трещат,
Как будто пялят рты
От жажды тысячи цыплят,
Забравшихся в кусты.
И тянет смолкой, самой той
От бревен избяных,
Что сотни лет назад впервой
Весной взыграла в них.
Вот какова у солнца власть —
И смолка ожила:
Отозвалась, отозвалась
Из мертвого ствола!
И этот жаркий вздох кустов
И сосен-вековых,
Теснит малиновый, густой,
На всю округу дух...
Я замираю, озарен:
Да это ж разлилась
Былых и нынешних времен
Во мне и в мире связь!
А рядом девушка идет,
Ореховая вся,
Речной воды веселый гнет
На коромысло взяв.
Чтоб вёдра зря не расплескать,
Она вложила в них
По два больших — с ладонь — листка,
Зеленых и резных.

Меня сердитый дождь загнал,
 Когда я к речке вышел,
 В полузабытый сеновал
 С растрепанною крышей.
 Теперь не кроют крыш у нас
 Соломой желтой, спелой,
 И эта, чудом сохраняясь,
 Как решето висела.
 И лишь по ней наискосок
 Дождинки полоснули
 И забугрились возле ног,
 Как разрывные пули.
 Уже не скрыться было мне,
 И я присел устало.
 И тут увидел на стене
 Ряды инициалов.
 Пестрели буквы так и смяк
 На бревнах поседелых,
 И всюду плюс — крылатый знак
 Тех чьих-то чувств несмелых.
 Врезали буквы неспроста:
 Знать, верили наивно,
 Что их единственная, та
 Свое узнает имя.
 И был счастливым — кто врезал:
 Звенела ель сухая,
 Всплывали девичьи глаза,

Шаги, ее дыханье.
Шумел, наверно, сенокос
В те полдни голубые.
Девчушки задирали нос,
Которых так любили...
Я эти стены, как дневник,
Разглядывал сначала.
А сопоставил, в знаки вник —
Мои односельчане!
Ну да — врезали каждый знак
Знакомые ребята.
И вижу — в жизни всё не так,
Все на других женаты.
А здесь лишь только след игры,
Давнишней и особой,
Когда хотелось им открыть
Смысл потайного зова,
Когда им стало в первый раз
Томительно и грустно —
И принимали, торопясь,
Предчувствие за чувство.
Во всем привыкшие спешить,
Все обозначить словом,
Движенье первое души
Любовью звать готовы.
Боясь, что кто-нибудь не так
Подумает, как надо,
Они врезали каждый знак,
Открытый многим взглядам.
И знакам тем потерян счет
На бревнах поседелых.
Их точит жук, их дождь сечет,

И никому нет дела.
Чего, казалось бы, жалеть,
Да лишь чего-то жалко...
Смотрю, как дождь, отяжелев,
Идет-бредет вразвалку.

Наладилась погодка
Свежа, добра.
Товарищи-погодки,
Встретиться пора!
В бочонках грузных
Томятся грузди,
В кадках особых
Огурцы спят.
Мы будем из рассолов,
Из-под зеленой ряски
Огурцы вытаскивать,
Словно щурят.
И полки с ведрами
Мы оглядим.
В ведрах собраны
Впрок дожди,
Малинные,
Черничные,
Брусничные дожди.
Поклонимся хозяйке,
Она — на все сто:
Что надо — без утайки
Выставит на стол.
И не успеем глянуть,
Как превратится он
В пахучую поляну,
Где птичий перезвон.

Мы будем разговаривать —
Нам есть о чем, друзья!
Словами зря задаривать
Народ уже нельзя.
И просидим, известно,
До самого поздна,
Покуда семизвездие
Не встанет у окна.
Ах, это семизвездие
Медведицы Большой!
Оно, куда б ни ездили,
Над нашею душой.
Висит, мерцая искрами,
Все в инее насквозь,
Как северная, близкая,
Рябиновая гроздь!
...Наладилась погода
Свежа, добра.
Товарищи-погодки,
Встретиться пора!

Это было в деревне, которой нету,
 Но в которую можно взглядеться,
 Потому что деревня эта
 Называется нашим детством.
 Ветры теплые там разносили,
 Чтобы людям радостно было,
 Вечерами в сумерках синих
 Дробный стук золотых молотилок.
 И в кепчонки картошки ранней
 Накопав, сухой, розоватой,
 За деревней в легком тумане
 Веселили костер ребята.
 Это было счастьем, пожалуй,
 Только кто понимал едва ли.
 И картошины с пылу да жару,
 Как мячи, на ладонях летали.
 Был один среди нас всех старше,
 Всех бойчей — Тихомиров Васька.
 Говорили матери наши,
 Что дружить с ним надо с опаской.
 Без отца, без матери парень,
 Без присмотра живет у тетки.
 Вот и курит уже недаром,
 Вот и шляется, рвет подметки.
 Называли матери шалым,
 Называли его баламутом.
 Только Ваську зря обижали —

Это было ох как не мудро.
Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских
Как подарок несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы,
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,

А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом на пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз — вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —

Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не вспомню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

...И вот решилась. В ту минуту,
Когда сказала: «Ну, пойдем»,
Рябины дрогнули как будто
И зашатались под окном.
Сказала: «Ну, пойдем» — и села.
И не поверила себе.
И показалось, что осела
Со скрипом матица в избе...
Да, верно — матери все могут.
И если нужно сыновьям,
В любую пустятся дорогу,
Чтоб соль и хлеб — все пополам.
...Уже соседки хлопотали —
Дорога все же далека,—
Что взять с собой, а что в подвале
Оставить временно пока.
И говорили с добрым чувством,
Но сыновья им вопреки
И нерешительно и грустно
Смотрели в эти сундуки.
Что в них хранилось аккуратно?
Холстинка, тканная давно,
Половики в цветастых пятнах,
В заплатках старое сукно.
И стиранные рубашонки.
Их рубашонки — вот те на!
Носили их они, мальчонки,

Когда большая шла война.
Они растерянно стояли,
Не зная, брать или не брать,
Как будто в стареньком подвале
Стояли мальчики опять...
В дорогу мало что собрали:
Зачем же вдаль тащить кули?
В один заход все из подвала
На сохраненье отнесли
К соседке — тетке.
...А корову,
Веревку кинув на рога,
Вели по снегу. И огромно
Качались бурые бока.
Она, беспомощно-немая,
Стараясь что-нибудь понять,
На мать смотрела, не мигая,—
И отворачивалась мать.
Как будто бы обман таили
Снега и люди. Каждый шаг
Она ступала боязливо
И задышалась, не дыша.
Но тут же окрик раздавался,
Как вица, нависал с боков.
И снег под выменем плескался,
Как пролитое молоко...
Все разнесли и раздали.
Лишь дом остался. Старый дом.
Стоит еще в могучей силе,
Ему еще не страшен гром.
В какой-то сумрачной заботе,
С рябинами наедине.

Как будто говорит: «Придете,
Еще придете вы ко мне.
Куда б ни ехали, повсюду
Средь городских домов-громад
Я в ваши сны являться буду
И буду звать к себе, назад.
Я буду пахнуть сенокосом
И вениками в ваших снах,
И петухом звонкоголосым
Пробьюсь в фабричных голосах.
Со мной разделаться не просто.
Хоть низкоросл и темноват,
Я буду виден вам за версты
Из городских домов-громад.
Ведь я — не просто дом, а память,
А ваша жизнь — года, года...
Я знаю, вас еще потянет,
Еще приедете сюда!»
Стоит, как дед стоял когда-то:
Рябина — словно батожок,
И на плече сутуловатом
Не снег, а будто бы мешок.
И это сходство с дедом старым
Впервые поразило мать.
Она сказала: «Нет, не станем,
Ребята, окна забивать.
Грешно, пожалуй. Пусть сверкают.
И веселей соседям так.
А если уж беда какая,
То стекла, право же, пустяк».
И тихо-тихо, незаметно
В поля окрестные ушла.

Там всеохватно и всесветно
Лежит земля, белым-бела...
Земля! Любовью самой первой
Была для матери она,
И за восторженную верность
Дарила, щедрости полна.
И выносила, чтоб глядели
Весною только на нее,
Свое цветное рукоделье,
Свое зеленое шитье.
А только осень — чуть хмельная,
Дары грузила на возы
И, вся застенчиво сияя,
Как будто пела: на, возьми!
Она умела обещанья
Свои держать, и неспроста
Лишь равнодушья не прощала
И не терпела хвастовства.
Ей, как и матери, не сладко,
Не хорошо жилось порой:
Она в войну была солдаткой,
Потом она была вдовой.
Земля не чья-нибудь, не божья —
Во все концы, во все края
Она до самой дальней пожни
Лежит немислимо своя.
Близка она, как день вчерашний,
Как день грядущий, дорога...
Молчат заснеженные пашни,
Молчат холодные луга.
Как будто ждут, что в оправданье
Сегодня может им сказать

Перед своей дорогой дальней
Всю жизнь работавшая мать.
Она медлительно, как будто
Что потеряла, к ним идет.
Пушисто вьется первопуток,
И чуть позванивает лед.
И что же на сердце творится,
Когда она с землей вдвоем?
Снежинки тают на ресницах
И в сердце падают дождем.
Одним-единственным упреком
Сейчас и можно тронуть мать,
Что постарела раньше срока
И не умела отдыхать.
«Простите вы, родные пашни,
Моя отрада и судьба,—
Выходит, что в просторах ваших
Я сжала все свои хлеба.
Они ко мне из лета в лето
Катили жаркую волну,
И век не думала, что это
Я золотые годы жну...
Простите вы, луга речные,—
Уж покосила я травы
И косу звонкую сточила
До ободка, до синевы...
Прости и ты, березник милый,
Куда любила забрести
И по грибы, и по малину;
И ты, дороженька, прости...
Прости, земля, меня, крестьянку,
Я даже в трудные года

Не выходила к полустанку,
Не ожидала поезда.
Твои пласты, земля, пластала,
Надежды сеяла свои.
И вот — гляди — теперь устала,
Уж не могу — как ни зови...»
...Снежинки гаснут, словно искры,
И вновь летят наискосок,
И падают на материнский
Уже поношенный платок.
И в белом шорохе, чуть слышном,
Душой улавливает мать —
Земля свежо и снежно дышит:
Мол, как тебя не понимать.
Мол, нет к тебе упреков вовсе,
И там, где проходила ты,
Я вскину тяжкие колосья
Как знак ответной доброты.
И, мол, тебя, хозяйка, долго
Мне в этом крае не забыть.
Мол, об одном тревожусь только:
А как же дальше жить и быть?
Я не глухая, не слепая,
Люблю работу — не возню.
Я доброту не забываю
И горечь в памяти храню.
А в памяти моей — послушай! —
Слоями от времен иных
Лежат подзолы равнодушья
И туподумья валуны.
Ко мне с добром идти — не с речью.
На том стою, тому верна.

И потому я славлю вечно
Союз ладони и зерна!..

А снег все ниже, ветер тише
Летит, былинки шевеля.
И мать душой, конечно, слышит,
Как с ней беседует земля.
...Машина трогается. Иней
По стеклам каплями течет.
Припав скорей к стеклу в кабине,
Мать смотрит, смотрит за плечо.
Бегут цепочкой полосатой
И остаются там, вдали,
Дома, сараи, палисады,
Колодезные журавли,
И черточки прощальных взглядов,
Теплом черкнувшие стекло,
И взмах руки, плеснувший рядом,
И крик, который отнесло.
Мать повлажневшими глазами
В тумане ищет старый дом.
Вон где уже! Далеко сзади.
Рябины — ниточки кругом.
И с каждым мигом еле-еле
Дом различается во мгле,
Как будто он вращается в землю,
Устав держаться на земле.
Мать смотрит пристально и немо.
А позади — уже лесок.
И небо в тучах. Только небо
Плывет над головой. И всё!..

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Гармонья	5
«С Ярославского вокзала...»	9
«Когда он сказал...»	11
«Судьба не сладкая — вдовья...»	12
Посвящение в родню	13
«Картошку девушка копает...»	15
Дом отдыха	16
«У матери старой три сына...»	18
«Беру себе в попутчики...»	19
«Разлука — что зима у нас на Севере...»	21
«Легко и просто сердце ранить...»	22
«Ты что-то мне напомнила, рябина...»	23
Дождь	24
«Тревожно, и сладко, и грустно...»	25
Черемушка	26
Избы	27
Молоко	29

Предание	31
Бабки	33
Лето	35
Знаки x x x x x x x	36
«Наладилась погодка...»	39

П о э м ы

Тревога	43
Мать	47

Александр Александрович Романов

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

М., «Советский писатель», 1966, 56 стр.
Тем. план вып. 1967 г. № 184

Художник **В. Е. Оффман**
Редактор **Д. Н. Голубнов**
Худож. редактор **А. Б. Коноплев**
Техн. редактор **Т. С. Ступникова**
Корректор **И. Ф. Сологуб**

Сдано в набор 16/ХИ 1966 г.
Подписано к печати 23/II 1967 г.
А 10204. Бумага 70×108 $\frac{1}{32}$. № 1
Печ. л. $1\frac{3}{4}$ (2,45). Уч.-изд. л. 1,93.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 413. Цена 14 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, В. Гнездниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109